

Король Игры

КРИСТИНА МАЙЕР

Короли

Кристина Майер

Король игры

«Кристина Майер»

2022

Майер К.

Король игры / К. Майер — «Кристина Майер», 2022 — (Короли)

Он ненавидит меня. Яростно. Люто. Безумно. Каждой клеткой своей души. Но Артур единственный, кто может помочь мне спасти сына. Как достучаться до сердца, в котором не осталось ничего кроме презрения? На что придется пойти, чтобы Бессонов согласился взять нас под свою защиту? Сможет ли он когда-нибудь простить мне предательство? А может и не одно...

© Майер К., 2022

© Кристина Майер, 2022

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	14
Глава 5	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Кристина Майер

Король игры

18+

Цикл: Короли. Вторая книга.

Глава 1

Милена

Я решилась. Мне понадобилось почти два месяца, чтобы сделать этот шаг. Нелегко было заставить себя отправиться к человеку, который тебя ненавидит. Нелегко будет посмотреть ему в глаза. Я надеялась, мне хватит смелости попросить у него помощи и защиты, потому что больше не у кого ее попросить. Потому что у меня не осталось надежды. Я не могу позволить себя отступить. Ради Левы я готова пойти на все. Ради него я просыпалась и продолжала бороться, хотя война давно была проиграна. Я держалась только ради сына.

Поднеся палец к кнопке домофона, я долго стояла и не решалась нажать. Мне нужно было несколько секунд, чтобы вновь набраться смелости, перевести дыхание и унять дрожь. Коротко нажала, одернула руку, будто обожглась, а затем нажала снова.

Адрес я узнала у одного из товарищей Бессонова еще пару лет назад, тот не знал, что у нас с Артуром есть общее прошлое. Время шло, никто не спешил открывать. На что я надеялась, когда решила посетить его квартиру? Понятно же, что он вряд ли будет дома. Но идти туда, где нас могут услышать, не хотелось. Он может быть очень жестким, и наличие публики не остановит его от резких высказываний. Мне было бы легче вытерпеть его презрение наедине, свидетели заставят еще острее ощутить всю его ненависть и презрение. Выбора у меня не осталось, нужно искать его в другом месте. Я готова была все стерпеть, лишь бы защитить сына.

«Даже открыть ему тайну?» – пропел противный голосок в голове. – «Нет! Нет! Нет!» – сев обратно в автомобиль, я завела двигатель и направилась в сторону трассы.

Я даже представить не могла, как поведет себя Артур, если узнает правду. Возненавидит еще больше? Хотя, куда больше. Он никогда не простит мне прошлого, никогда не поймет, почему я так поступила. Я не найду слов, чтобы объяснить ему свой поступок. А есть ли они вообще – эти слова?

«А если он откажется помогать, ты все равно промолчишь? Рискнешь жизнью сына?» – это был сложный вопрос, я знала на него ответ, но со страхом гнала его из своей головы, хотя ситуация с каждым днем ухудшалась, и прогнозировать что-то было бы глупо.

* * *

Третий раз на этой неделе приходили коллекторы. Не культурные и вежливые дядечки, а настоящие громилы, которые чуть не забрали у меня сына. Они обещали продать его на органы, чтобы возместить свои финансовые потери. Когда эти подонки появились в первый раз, я сняла наш разговор на видео и написала заявление в полицию. Запись вместе с телефоном пропала, а меня чуть не привлекли за клевету. Они умели угрожать, я чувствовала себя беззащитной в нашем вроде бы правовом государстве. Меня так запугали правоохранители, что я пообещала впредь не переступать порога их заведения. У Шалецкого была власть, за ним стояли очень влиятельные люди. Те самые люди, которые помогли скрыть убийство моего мужа.

Виталий поехал к нему в офис и пропал. Его нашли на паркинге избитым и повешенным, но заключение экспертов гласило, что это самоубийство. Записи с камер кто-то стер, уволили охранников, на этом расследование закончилось. Когда я попыталась оспорить экспертизу, дать этому делу огласку, мне тут же закрыли рот и недвусмысленно дали понять, что случится с моим сыном, если я и дальше буду столь разговорчива и деятельна. Взамен обещали простить долги, но через месяц они пришли снова...

Теперь я понимаю: не сумев выбить из Виталия всю сумму, они его убрали и занялись мной. В отличие от моего мужа, у меня было что терять. Виталий боялся только за свою жизнь,

но его окружение внушало ложное чувство защищенности. Ему бесполезно было угрожать смертью моего сына, а я готова умереть, лишь бы спасти ребенка. Я удобная цель для шантажа, поэтому теперь они давили на меня, вот только не учли одного: в отличие от моего мужа, у меня не было ни связей, ни возможностей достать такие деньги. Сумма долга была баснословной. Ни один банк не даст мне кредит на такую сумму. В наследство мне ничего не осталось. Дом был заложен и перезаложен, скоро он уйдет с молотка. На счетах денег давно не водилось. Все более-менее ценное я старалась продать, чтобы набрать хотя бы десятую часть долга и отсрочить платеж, но такой расклад «коллекторов» не устраивал, нужна была вся сумма если не сразу, то как можно быстрее.

Друзья оказались мнимыми, отвернулись сразу, как только мы похоронили Виталия. Слухи о долгах тут же разползли среди знакомых. Его родители помогать нам не собирались. Во-первых, они всегда знали, что внук не их, а во-вторых, сразу же после смерти сына они продали дом и уехали жить в другую страну, будто знали о грядущих проблемах. Они даже не дождались сорокадневных поминок.

Несколько лет назад, когда наше финансовое положение не было таким плачевным, я помогла маме продать старую квартиру, добавила недостающую сумму и приобрела им жилье ближе к центру города. Можно было бы попросить продать жилье, но я даже заикнуться стеснялась. Где мы после этого будем жить?

С моей стороны было бы очень подло сейчас просить их оказаться на улице, да и не решит это проблему, и даже не отсрочит. Нужна вся сумма. Если Бессонов откажет, придется поговорить с мамой.

Или признаться Артуру...

* * *

Мама находилась на работе, Ванька на учебе, поэтому Леву пришлось оставить у школьной приятельницы. Вика знала, что у меня неприятности, но в детали я ее не посвящала. Она работала в частном садике, где детей можно было оставлять на любое время, главное, плати за каждый час пребывания ребенка в заведении. С меня Вика денег не брала, это и спасало. А еще у них есть охрана, и сына незнакомцам они не отдадут. Последнее время я даже на минуту старалась не выпускать Леву из поля зрения.

Выехав на шоссе, я не сразу определилась, куда ехать. Где именно мне искать Бессонова? В родительском доме, в тренировочном зале или торговых центрах? Я знала, что офис у него находится в одном из супермаркетов, чаще всего Артура можно было застать там. Смысла звонить ему я не видела, хотя номер телефона у меня имелся. Он не станет слушать, кинет мой номер в черный список.

Администратор магазина сообщила, что владельца нет, и, когда он будет, она понятия не имела. Наш разговор услышала девушка-кассир, она мне и шепнула, что Бессонов должен скоро появиться.

– Смотрите, сотрудники в зале наводят порядок на полках, проверяют наличие ценников на товаре под руководством директора магазина. Так всегда происходит, когда большой босс направляется в офис. – оплатив бутылку минеральной воды без газа, я поблагодарила девушку и вышла на улицу.

В машину садиться не стала, чтобы не пропустить Артура, встала напротив входа возле тонкой голый березы и принялась ждать. Время шло, я замерзла, но вернуться в машину, чтобы согреться, не решалась. Нужно было теплее одеться, но почему-то хотелось выглядеть красивой. Вряд ли его глаза при виде меня загорятся, как раньше, но толика надежды оставалась, поэтому пуховик и теплые сапоги остались лежать дома. Не хотелось выглядеть жалкой серой мышью. Заношенный полушубок и тонкие полуботинки на каблуке хотя бы подчерки-

вали мою женственность. Пряча руки в рукавах, я постукивала ногами о землю, будто это помогало согреться.

Я увидела Бессонова. При виде него сердце пропустило удар, сжалось от боли, а потом застучало так, словно пыталось вырваться из груди. Этот мужчина когда-то в прошлой жизни любил меня. Страстно. Самозабвенно. Безумно. А я его предала...

Теперь он так же страстно меня ненавидел каждой клеткой своей души. Как только он умеет. За дорогих ему людей Артур способен был уничтожить любого. Враги его боялись, старались не переходить дорогу. Жаль, что теперь и я среди его врагов...

Дверь лексуса негромко захлопнулась. Промедлила, он удалялся. Я перестала его разглядывать и поспешила догнать, нужно было перехватить Бессонова, пока он не скрылся в здании. При своих подчиненных Артур просто не станет меня слушать, да и без них вряд ли захочет.

Узкая юбка сковывала движения. Я не успевала догнать Бессонова. Сейчас он скроется в своем офисе...

– Артур! – окликнула, голос сорвался.

Глава 2

Он застыл. Я сбилась с шага, чуть не упала. Медленно на ватных ногах сделала еще несколько несмелых шагов в его сторону. Не дойдя до Бессонова чуть больше метра, остановилась. Голова Артура была опущена, плечи напряжены, его дыхание громко вырывалось из груди. Складывалось ощущение, что он старается взять себя в руки. Мне казалось, прошла вечность, прежде чем Артур обернулся. Столько презрения и ненависти горело в его глазах, что я отшатнулась. Пожалела, что вообще пришла.

«Не поможет...» – подумала я.

– Не смей никогда ко мне обращаться! – сквозь зубы жестко выговаривал он каждое слово. – Не смей никогда произносить мое имя! Я не желаю тебя видеть! Ни-ко-гда. – это слово он повторял каждый раз, чтобы я лучше поняла его настроение? – Я столько лет избегал с тобой встреч, чтобы тебя, суку, не задушить... – обжег он меня своим презрительным взглядом. – Не нарывайся! Пошла вон! – он резко развернулся и стал уходить.

Еще несколько шагов, и он скроется за стеклянными дверями...

Кинулась за Бессоновым. Прежде чем успела подумать, схватила его руку. Артур отмахнулся от меня, словно от прокаженной. Выдернул руку, будто на него налип кусок грязи. Не удержавшись на каблуках, я упала. Порвала капроновые колготки и оцарапала колени. Было больно, но сердце горело во сто карт сильнее, мне не хватало воздуха. Он возвышался надо мной, не уходил.

Редкие прохожие оглядывались, задерживали на нас свой любопытный взгляд, но никто не хотел вмешиваться. Унизительно было валяться у него в ногах, но это не так сильно меня трогало, как его ненависть.

Руки он мне не подал. Я поднялась сама. Старалась сделать это изящно, но куда там... Поправляя юбку, пряча порванные колготки под ее длиной, я вспоминала, с чего хотела начать разговор. Пока он не ушел, нужно успеть воспользоваться шансом.

– Можешь ненавидеть меня. Можешь даже ударить. – я знала, Бессонов этого никогда не сделает, но эта фраза его разозлит, заставит обратить на меня внимание. – Только, умоляю, выслушай. Я не жду твоего прощения. Но, пожалуйста...

– Нет! – оборвал он мой монолог. По моим щекам покатались слезы. Я поняла, что умолять Артура бесполезно.

Нужно рассказать о сыне... Но тогда он точно меня не простит. Заберет Леву. Я не готова отдать ему ребенка! Я не смогу с ним расстаться.

«Ты можешь потерять сына навсегда, никто не спасет его, кроме Артура. Может, он позволит тебе видеться с сыном?..» – голос в моей голове подсказывал решение, но я не желала его слушать. Я стояла и глотала соленые слезы. Артур не оставил мне даже толики надежды... Вновь развернулся и стал уходить.

– Милаха, если я когда-нибудь буду тебе нужен, только позови, я пройду сквозь время и пространство... – вспомнила я фразу из нашего прошлого и едва слышно ее прохрипела. Голос не слушался. Он столько раз ее повторял...

Вспомнил, остановился. Замер, а потом медленно повернулся.

– Не смей, слышишь?! Не смей! – сделал шаг ко мне, схватил за волосы и больно дернул. – Это я сказал другой девочке в другой жизни! – он несильно сжимал мои волосы, но мне было больно. Не знаю, почему, но кожа головы отличалась особой чувствительностью. Точнее, вся кожа на моем теле была очень чувствительной, но на голове особенно. Мне даже расчесываться было больно. Чтобы волосы не путались, я никогда их не отращивала. Всегда носила каре.

– Милаха, если я когда-нибудь... – повторила я его клятву, потом еще раз... еще... На его красивом мужественном лице, которое с годами стало еще притягательнее и интереснее,

играли желваки, темно-карие глаза от злости стали почти черными. – Милаха, если... – плача повторяла я.

– Идем! – зло бросил он, отпустил меня и направился к своему автомобилю. Ничего хорошего из этого не выйдет, но я даже не подумала отказаться, покорно пошла за ним.

Милена

Мы прошли к его автомобилю. Артур открыл сигналкой машину, сел за руль. Я поняла, что приглашать меня не станут, поэтому села сама, пока он не тронулся и не уехал. Как только я закрыла дверцу, машина сорвалась с места. Я не видела этого мужчину несколько лет, он изменился, возмужал, но перед глазами стоял все тот же молодой парень, в которого я была так сильно влюблена...

* * *

Последний день учебного года выдался дождливым. Я не была грустным романтиком, поэтому такая погода удовольствия мне не приносила, но где-то глубоко в душе я не возражала против унылой серости. Возвращаться домой приходилось через неблагоприятные дворы, а в дождливый день даже местная шантрапа предпочитала укрываться в домах или на худой конец в гаражах.

Еще осенью меня не замечали местные мальчишки, а теперь проходу не давали. «Девочка созрела», – громко, так, чтобы я слышала, обсуждали они. Я понимала, о чем идет речь, и мне от этих намеков делалось по-настоящему страшно. Потерять девственность в грязном гараже или на не менее грязном матрасе в старой коммуналке совсем не хотелось. Многие знакомые девчонки, связавшись с местными парнями, уже и не помнили, сколько у них было мужчин. А ведь среди парней часто встречались те, кто уже отсидел срок, а порой и не один.

Меня тошнило только от одной мысли, что придется с кем-нибудь из местных «авторитетов» лечь в постель, чтобы открыть дорогу всем остальным. Пока ты «целочка», к тебе все тянут руки, раскручивают на переспать, но насильно не затаскивают за гаражи. Хотя наличие девственности и не гарантирует безопасность. Стоит напиться какому-нибудь уроду, и над тобой могут надругаться средь белого дня. Посмеешь пожаловаться или написать заяву, тебя могут и с перерезанными венами найти где-нибудь на отшибе.

Заступить за меня было некому: мама сутками пропадала на работе, чтобы поднять нас с младшим братом на ноги, а отец пил не просыхая. Местная шантрапа отлично знала, кого можно тронуть, а за кого могут и голову отрезать. Утром местные бездельники отсыпалась, поэтому можно было, не опасаясь, ходить в школу, а вот возвращаться было страшно. Вечером и вовсе я старалась не показываться во дворе, всегда отказывалась, когда соседские девчонки звали погулять.

Как назло перед последним уроком дождь закончился, и даже выглянуло солнце. Я осмотрелась в поисках компании, которая бы направлялась в сторону моего дома, идти одной очень не хотелось, но все ребята отправлялись гулять в парк. Мне тоже хотелось пойти с ними, но я не могла. Нужно было успеть приготовить ужин, забрать Ваньку из садика. Добралась до дома я без происшествий, никого из местных «авторитетов» не встретила. Во дворе и на детской площадке были только мамы с детьми.

Наш район на окраине города смело мог считаться одним из самых неблагоприятных – жили здесь в основном те, у кого не было возможности переехать в другое место. Даже гастарбайтеры обходили наши криминальные дворы девятой дорогой. Жила тут, правда, кавказская «диаспора», которую наши смельчаки даже по пьяни не решались тронуть. Двух инцидентов хватило, чтобы местные ребята поняли, с кем не стоит связываться и раздувать конфликт. Я не знала, кого из них боюсь больше, доверия не внушала ни одна из компаний.

Если местные не скрывали своих намерений и открыто их высказывали, то ребята с Кавказа провожали молчаливыми взглядами, от которых кожа покрывалась мурашками.

Глава 3

Милена

Отец пьяным спал в коридоре. Переступив через родителя, я прошла в нашу с братом спальню, переоделась и направилась в кухню. Батя мог проспать так до вечера, потом встать, похлебать суп, опять выпить и снова уснуть. Хорошо бы в следующий раз он дошел до своего дивана, чтобы через него постоянно не перешагивать. Открыла все окна в доме, чтобы проветрить квартиру. Я никогда не привыкну к этой вони. Утром мама с боем заставит его искупаться и надеть чистую одежду, но он вновь напьется, к обеду запах перегара и больного желудка пропитает все комнаты.

Закончив с готовкой, я спряталась в своей спальне. Включила телевизор, убавила звук до минимума. Если отца разбудить в таком состоянии, он устроит скандал, а мне хотелось тишины.

Я не заметила, как задремала. Разбудил меня звонок телефона.

– Милена, ты где ходишь? – раздался в динамик возмущенный расстроенный голос мамы. – Ваньку из садика полчаса назад забрать надо было! Мне воспитательница звонит...

– Мама, я уже бегу. Извини, уснула. – я на ходу надела мастерку, захлопнула дверь и выбежала из квартиры. Я решила проскочить через детскую площадку, чтобы не обходить двор, но, увидев на скамейке парней, замерла. Отступать уже было поздно, но и двигаться вперед я желания не испытывала. Несколько пар глаз смотрели прямо на меня.

– Привет! – крикнул один из них.

– Красавица, пиво будешь? – протянул полупустую бутылку другой.

– Сигаретой угостить?

– Подойди, мелкая! – делать вид, что это не ко мне обращаются, было сложно. Не поворачивая головы в их сторону, я двинулась быстрым шагом вперед.

– Ты че такая дерзкая? – окликнул меня Рябой. Этого гада у нас во дворе все знали. По спине прошелся холодок. – А ну посмотри сюда!

Впереди стояли те самые кавказцы. Чем они занимались, никто не знал, но возле их подъезда вечно стояли дорожные автомобили. Их ненавидели, ругали за глаза, оскорбляли, обещали устроить судный день, но во всем этом проскальзывал страх перед ними, а еще, наверное, зависть. Они уже заметили, что меня дергают местные. Кавказцы стояли и наблюдали за разворачивавшейся картиной.

Один из тех, кто навел на меня панический ужас, поднялся со скамейки и преградил дорогу. Рябой подошел очень близко, запах пивного амбре ударил в лицо. Я сделала шаг назад. Он двинулся на меня, а я от него. Резко выкинув руку вперед, Рябой схватил меня за руку и прижал к себе. Все с интересом наблюдали за нами, но никто не собирался вступаться. Я уже поняла, что Ваню мне сегодня забрать не получится...

– Ты че такая дерзкая? – повторив фразу, ухмыльнулся Рябой. У него отсутствовало несколько передних зубов, поэтому улыбка выглядела устрашающей. – Мы к кому обращались? Тебе что, запахло было с нами пообщаться?

– Я спешу, – в горле пересохло, голос звучал неестественно.

– Будешь моей девушкой! – поставил он меня перед фактом. На их языке это означало, что я должна с ним спать, а, как надоем, буду принадлежать всем. Он среди всей этой шантрапы был самым отпетым отморожком, его боялись все местные ребята.

– Нет, – едва слышно отказала я. Было страшно, так страшно, что все внутри дрожало, но я не могла на это согласиться. Отказала ему при всех, и его рыжее лицо перекошилось от злости.

– Что ты сказала?! – его рука опустилась резко на шею. Недопитая бутылка с пивом упала на песок, содержимое вылилось. Меня только за это сейчас задушат. Из глаз брызнули

слезы, воздуха перестало хватать. Я пыталась тонкими пальцами оторвать его руку от шеи, но он только сильнее сжимал свои пальцы.

– Отпусти, мне больно! – в панике попыталась закричать я, но получилось только прохрипеть.

– Будет еще больнее, тварь! – свободной рукой он схватил меня за волосы, сильно сжал их в кулаке. От боли я закусила губу и заплакала сильнее. Я пыталась хватать воздух ртом, но у меня ничего не выходило. Перед глазами стали расплываться темные круги. Носочками, едва касаясь земли, тянулась за волосами, которые он пытался вырвать с кожей.

– Руки от нее убери, – прозвучал приказ из-за спины Рябого. Этот голос был мне незнаком. Точно не из местных, но и кавказского акцента я не расслышала. Рука на шее ослабла, я принялась жадно хватать ртом воздух, при этом пыталась отодрать чужие пальцы от себя.

– А ты кто такой? – не отпуская меня, повернулся Рябой к парню, который стоял за его спиной.

– Артур я, Бессонов. Тебе мое имя о чем-нибудь говорит?

– Нет.

– Ну, это пока. Отпусти девочку, и мы пообщаемся с тобой, раз ты такой смелый. – я слышала только голос, видела край кожаной куртки и широкие плечи. Голос казался приятным. Может, потому что этот парень пришел мне на помощь?

Меня грубо оттолкнули. Я упала, но успела подставить руки, поэтому джинсы не запачкала. Зато ладони утонули в грязной жиже. Надеюсь, это была просто лужа... Нюхать и проверить не стала.

Поднявшись, я посмотрела на моего спасителя. Молодой. Красивый. Одет стильно. Я таких раньше не встречала... Хотя, может, просто его не замечала. Парень некоторое время оценивающе рассматривал меня, потом кивнул, чтобы я ушла. Наверное, подло было сбегать, но я ничем не могла ему помочь, а брата нужно было забирать.

Я сбежала. Всю дорогу, что шла до детского сада, останавливалась возле влажной травы и протирала руки, но все равно чувствовала себя грязной. Руки можно отмыть, а вот стереть воспоминания – нет.

Возвращаться я боялась. Со мной теперь был еще и Ванька. Пришлось идти домой окольными путями, через горы мусора, по заросшему травой пустырю. Тут даже не было тропинки, я приминала бурьян, чтобы брат мог пройти. Ванька капризничал и плакал, я была вся мокрая.

– Подожди, сейчас дойдем до дома, я тебя искупаю и переодену. – мне самой хотелось рыдать, но ради него старалась держаться.

Передвигаясь под самой стеной дома, мы добрались до подъезда, отсюда хорошо было видно детскую площадку. Я не знаю, что произошло за это время, но то, что я увидела, меня напугало. Мой спаситель стоял в центре, его руки были перепачканы кровью. Рябой поломанной куклой лежал в луже... багровой луже. Рядом с ним валялось еще несколько местных ребят. «Кавказцы» стояли полукругом за спиной спасителя. Он поднял на меня взгляд. Я испуганно скрылась в подъезде, утянув с собой брата.

* * *

– Выходи, – бросил Бессонов, остановившись возле незнакомого дома. Моргнув несколько раз, я вернулась из воспоминаний.

Глава 4

Милена

– Выходи, – повторил холодно Бессонов, не поворачивая головы. Мы остановились у элитного коттеджа. Адрес был мне незнаком.

Второй раз приглашать меня не нужно было, я открыла дверь и вышла из машины. Я понимала, что это мог быть единственный шанс на то, чтобы с ним поговорить, попросить помощи.

Я старалась поспевать за Артуром. Несмотря на разодранные колготки и оцарапанные колени, держалась прямо, гордо себя несла. Моя гордость... Давно от нее ничего не осталось. Я научилась скрывать свои истинные чувства, носить на лице маски. В постели с мужем приходилось имитировать удовольствие. Встречать его с улыбкой, когда он возвращался от любовницы. С бывшими друзьями и родственниками изображать счастливую семью, делать вид, что все у нас благополучно. Искренней я могла быть с мамой и братом, но лишний раз не хотелось их загружать своими проблемами – они и так видели, что ничего хорошего из моего брака не вышло.

Последние два года маме приходилось помогать мне деньгами, в то время как муж брал новые кредиты и все просаживал. Я почти никуда не выходила. На мне было легче всего экономить. Поход на какое-нибудь мероприятие обходился дорого: новый наряд, украшения, посещение стилиста... Хотя я и не настаивала, мне комфортнее было оставаться дома.

Настоящих подруг я так и не завела, ровесницам я казалась скучной. Мы были из разных миров, и это не могло не ощущаться. А еще меня в дикий ужас приводили всякие эксперименты со своим телом и нескончаемые инъекции, о которых так пафосно рассуждали девушки. Моего отношения к «красоте» они понять не могли. Находились, конечно, среди всей этой тусовки серьезные, умные девушки, но им намного интереснее было обсуждать с мужчинами фондовые рынки, ценные бумаги и скачки цен на нефть, чем общаться с молодой мамой.

Мы вошли в дом. Бессонов пропусти меня вперед. Небольшая прихожая вмиг сузилась еще больше, когда он переступил порог. Пространства будто стало не хватать. В машине я так остро не ощущала его близость, может, потому что он всю дорогу на меня не смотрел. Я мяла в руках сумку и жалась к стене, Бессонов смотрел на меня тяжелым взглядом. Тяжелым и чужим. А ведь когда-то эти глаза смотрели на меня так, что дух захватывало. От воспоминаний на глаза наворачивались слезы. Я потеряла что-то настолько ценное, что не передать словами. С тех пор в душе поселилась пустота. Пустота и щемящая боль. С этими чувствами я живу уже семь лет.

Я столько раз в своем сознании проигрывала нашу встречу, и вот она состоялась. Знала, что Артур окатит меня своим презрением, но я всегда пыталась в тех представлениях что-то сказать, объяснить. Может, даже оправдаться. В реальности все оказалась намного сложнее: я просто не могла подобрать слов, чтобы начать разговор. Закостенел не только язык, но и мой разум. А он стоял такой чужой... далекий.

– Проходи, – прозвучал очередной короткий приказ. Бессонов проследовал вперед, скинув с себя верхнюю одежду. Негромко выдохнув, я последовала за ним.

Здесь не живет женщина – первое, что я отметила, осматривая помещения. Но это совсем не значит, что ее нет в его жизни. Зачем мне это знать? Я пришла сюда просить его о помощи. Я давно потеряла право лезть в его личную жизнь.

Артур остановился у порога комнаты, а затем медленно его переступил. Я подошла к проему. По телу пронесся жар, когда я увидела, что он привел меня в спальню.

Комната была погружена в полумрак, на окнах задвинуты темные тяжелые шторы. Я отметила, что во всех помещениях, что я видела, царил идеальный порядок, словно квартира нежилая, только разобранная постель выдавала, что здесь кто-то жил.

Я застыла. Не знала, чего ждала, но не этого. Неужели в этом доме нет кухни или гостиной? Почему спальня? От догадки по телу прошелся холодок. А я думала, мы спокойно поговорим, Артур даст мне время собраться и все ему рассказать. Нет... В спальню приглашают только для одного.

Не смогу. Даже если это он. Все равно не смогу. Вот так вот, без чувств, без эмоций!

«А когда-то смогла» – напомнил противный голос в голове. Я прогнала образ мужа из головы.

Не смогу с ним... Артур этим поступком отберет мои самые светлые воспоминания. Сотрет их одним махом!

«Подумай о сыне!»

– Я хотела поговорить. – нетвердо произнесла. Я так и осталась стоять на пороге спальни, не решалась войти.

– Так и будешь там стоять? – я сделала несколько несмелых шагов, остановившись подальше от кровати. – Раздевайся... – я ждала подобного, но все равно приказ отозвался тупой болью в сердце.

– Мне надо тебе кое-что сказать... – растерялась я, в голове стали путаться мысли. Хотелось отсрочить неизбежное. Понимала, что не в том положении, чтобы диктовать условия.

– Я знаю все, что ты можешь мне сказать, – негромко произнес он, по коже побежали мурашки. – Твой муж оставил кучу долгов. Шалецкий тебя из-за них напрягает, а он слов на ветер не бросает. Ты пришла попросить займы у мужчины, который в свое время был готов бросить мир к твоим ногам. Я прав? – в чем-то Бессонов был прав, но не во всем. Не нашла, что ему ответить. Он и не ждал. – Предложить тебе, кроме своего тела, нечего. Раздевайся. – мне в любом случае придется многое потерять, но... Подумав немного, приняла решение. Пусть будет, как он хочет. Зато сохраню жизнь своему сыну.

– Ты pomoжешь мне договориться с Шалецким? Отсрочить платеж? – меня задевало его холодное равнодушие, я не знала, как себя вести. Соглашаться на его условия не хотела, но выбора Артур мне не оставил. – Пока не знаю, чем буду отдавать...

– Я даже заплачу твои долги, но ты же знаешь, что я попрошу взамен, – перебил меня Бессонов. Он подошел, схватил меня за подбородок, вынудив посмотреть прямо в глаза, где за серой дымкой клубилась темная ненависть. Бессонов наклонился, почти коснулся своими губами моего рта... – Я жду. Скинь с себя все или уходи. – обдал чистым горячим дыханием. Подержал так и отступил.

Меня била мелкая дрожь, кожа покрылась мурашками. Стало холодно, хотя в комнате было тепло.

«Или уходи...»

Я принялась медленно расстегивать пуговицы на жакете. За последние годы если фигура и изменилась, то в лучшую сторону. Талию не портили растяжки, она осталась такой же стройной. Грудь и бедра утратили свою подростковую угловатость и плавно округлились. Я бы даже хотела, чтобы тогда я выглядела так сексуально.

Он не наблюдал за тем, как я раздеваюсь. Прошел мимо и остановился возле окна. Руки спрятал в карманы. Спина Бессонова была напряжена. Что он мог увидеть в маленький просвет между штор?

Это была своеобразная пощечина, он давал понять, что не очень заинтересован во мне, как в партнерше. Тогда зачем все это? Унизить меня? Проглотив обиду, я быстро скинула с

себя все, кроме трусов. Прошла к постели, присела на край и прикрылась спереди простыней, которой он укрывался во время сна. Наверное, ночью ему жарко было спать под одеялом.

Я почувствовала, когда он обернулся, а может, услышала. Каждый его шаг бил по натянутым нервам. Я сижу голая в его постели. Дрожу, но не от страсти. Бессонов приблизился, остановился за моей спиной. Ухватив край простыни, он потянул ее на себя.

– Встань!

Глава 5

Артур

Я знал все о ее проблемах. Я сам за ними стоял, помог разориться ее муженьку. Могилу он, правда, вырыл себе сам, связавшись с Шалецким.

Я обещал себе не при каких обстоятельствах не впутываться в это дело. Меня не должна интересовать жизнь бывшей девушки. Один раз я уже помог ей и чуть не потерял себя. На этой планете для нас двоих не было места. Вытравил ее из мыслей и души, а теперь она вновь появилась.

Я ведь тогда не конкретно за нее заступаться полез, местные давно нарывались, подговаривали мальчишек, чтобы те нам машины царапали, колеса прокалывали, сахар в бак засыпали. Мы искали повод, и они нам его предоставили. Нужно было заставить их бояться. Подошел тогда к ним с одним намерением – наказать. Милена в руках этого отморозка уже синела, не могла вдохнуть. В тот момент я обо всем забыл, неконтролируемая ярость росла внутри и множилась. Подонка захотелось убить. Он ее отпустил, а я залип, глаз отвести от малолетки не мог. Бледная кожа с россыпью веснушек на переносице, тонкие черты лица, пухлые губы и невероятного цвета глаза. Я потом часто буду удивляться, как они меняли цвет в зависимости от погоды и настроения Милены.

Кивком головы попросил уйти. Не хотел, чтобы она видела, насколько я могу быть жесток, а тогда я дошел до крайней точки. Вмиг все изменилось, я желал убивать, и это из-за того, что отморозок ее тронул. Пусть каждый знает, что к этой девочке приближаться нельзя. Жалости в тот день я не чувствовал, залил чужой кровью всю детскую площадку. Я увидел... скорее, почувствовал на себе ее взгляд. Прижалась к двери подъезда и испуганно смотрела на меня. Непросто будет избавить ее от страха, подумал я, ведь уже принял решение, что оставлю эту девочку себе. Кто же знал, что все так повернется...

...

Я слышал, как она неспешно раздевалась, как тщательно складывала каждую вещь, чтобы потянуть время. Я солгу себе, если скажу, что ничего не дрогнуло, когда она меня окликнула, когда стояла и смотрела на меня умоляющим взглядом, а потом без вопросов села в машину. Дрогнуло! Но еще ошутимее дрогнуло в штанах. Она всегда по-особенному действовала на меня. Хотел ее до одури сопливой девчонкой, желал и сейчас не меньше! Я еще в тот первый день почувствовал эту бешеную тягу. Она стояла, смотрела чистым взглядом, не знала, куда деть перепачканные руки... Кольнуло в груди, сердце пропустило удар. Я потом ночью лежал, уснуть не мог! Член колом, а я о ней думал, из головы выбросить не мог!

Встряхнул головой и прогнал воспоминания. Обернулся, подошел к Милене. Взялся за край простыни, которой она стыдливо прикрывалась, и потянул на себя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.